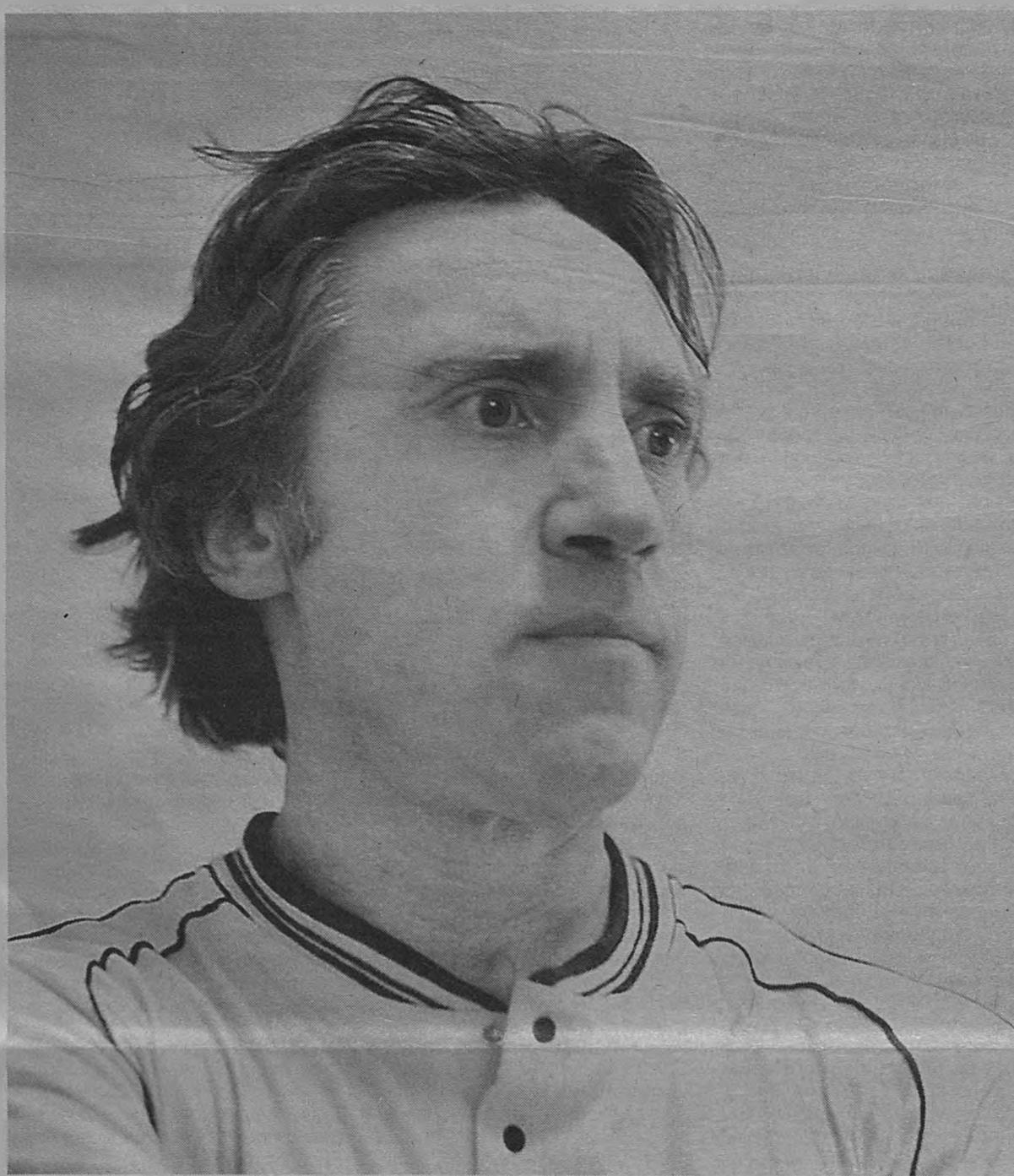

дата

“25 июля я на кладбище больше не хожу”

Никита Высоцкий — Газете

Владимир Высоцкий за три недели до смерти. Публикуется впервые Фотограф: Иван Чернов

◀ 01 СТР

Сначала один позвонил, потом другой, третий... В день похорон я приехал в театр вместе с катафалком, очень рано утром. Вышел на улицу часов в 11 утра, когда людей уже стали пускать в театр. И увидел просто море. Очереди конца-края не было — она до «России» растянулась. Когда я вышел из служебного входа и увидел то, что там было, это было настоящим потрясением. После этого шока я пришел в себя только спустя несколько месяцев. До дня похорон это горе было частным делом тех людей, которые его знали, соседей, театра, нашей семьи.... И вдруг такое частное несчастье оказывается всеобщим, ты понимаешь, что твои чувства, в общем, уже и не очень важны, что случилось что-то очень большое. Это же ведь было еще и красиво, помимо всего прочего. Это произошло в самый разгар Олимпиады, и удивительно, что столько народа пришло. Москва была абсолютно пустая — вымерший город. И кругом была милиция в белых рубашечках. Нельзя было купить билет на поезд или на самолет и приехать в Москву на похороны. Несмотря на это, люди стояли на крышах, на афишных тумбах, на киосках газетных — везде, где можно было встать. И это было поразительно для всех: и для актеров, и для друзей, и для милиционеров. Это было удивительно даже для людей, которые пришли. Когда вынесли гроб с телом отца,

меня с братом Аркадием как-то оттеснили. В этом не было ничьей злой воли, просто все происходило помимо воли людей. И мы бы не уехали на кладбище, его бы похоронили без нас, если бы не Кобзон, который нас увидел и посадил к себе в машину. И вдруг это огромное море людей сорвалось с места и прорвались через милиционское оцепление. Они все побежали, и казалось, что они просто ложатся под колеса. Бросали цветы под автобус и уходили. Такое не придумаешь, не спретерируешь. Мне потом Юрий Шевчук рассказал, что он, когда узнал о смерти отца, был в студенческом лагере. И первую свою песню он написал в этот самый день. Я много после этого говорил с людьми, и оказывается, что этот день запомнили практически все.

Высоцкий был не столько поэтом, актером и певцом, сколько мифологическим героем. Причем героям без всяких кавычек. Вы каким-то образом осознавали это при жизни отца?

Грубо говоря, был один Высоцкий, певший из всех магнитофонов, и совсем другой, который был нашим папой. Они соединились в моем сознании как раз в тот день, о котором я сейчас говорил: 28 июля 1980 года. Про него ведь очень много чего рассказывали, а я его потом переспрашивал, правда это или не правда. Я помню свое шоковое состояние, когда я стал ходить на «Гамлета» в более или менее

осознанном возрасте. Он играл потрясающе. Но потом мы с ним вместе после спектакля ехали в машине домой. На сцене был один человек, а в машине сидел кто-то другой. После какого-то спектакля я вдруг что-то начал ему такое говорить — буквально как молодой фанат, что-нибудь вроде: «Владимир Семенович, вы играли превосходно». Он посмотрел на меня как на идиота: «Ты чё вообще?» А я просто психологически не успел перестроиться.

Неужели обратились на вы и по имени-отчеству?

Нет, ну, возможно, я не так сказал, но обратился к нему очень подобострастно. При всем при том меня совершенно не мучило, что я сын мифа. Миф был сам по себе, а вот рядом был человек, которого можно было попросить купить джинсы или книжку.

Вы много проводили времени на Таганке?

Я начал ходить целенаправленно на Таганку лет с тринадцати, хотя Золотухин напоминал, что мне было года два-три, когда я пришел на один из первых прогонов «Пугачева» и страшно испугался, когда отец, игравший Хлопушу, начал со сцены кричать. Отец не очень хотел, чтобы я был закулисным ребенком. Помню, как-то раз зашла речь о том, ехать ли мне в лагерь от ВТО, и я видел, что ему не хотелось, чтобы я ехал туда. И он не очень бросался решать

наши проблемы своим авторитетом. Ему нравилось, что мы с братом не в элитной школе. Я мечтал быть артистом, как почти все актерские дети. Но при этом я абсолютно твердо знал, что актером не буду. Из-за него. Как-то раз, незадолго до своей смерти, наверное, году в 1979-м, он спросил меня о моих планах на будущее. Спросил: «Ты вообще что думаешь? Всю жизнь пробегать хочешь, что ли? Если бегаешь, то хотя бы играть надо на серьезном уровне. Давай позвоню Гомельскому, он возьмет тебя в ЦСКА». Я отвечаю: «Да, пап, я знаю, по барабану как-то...» И он меня спрашивал тогда: «А актером ты не хочешь быть?» И я ответил очень резко: «Нет, ни в коем случае!» Хотя хотел! Он посмотрел на меня долгим, немножко комичным взглядом: «А что такое? Что тебе актеры сделали?» Когда он умер, что-то такое внутри меня отпустило, и я понял, что при нем я бы не рискнул пойти в актеры, а теперь хочу.

Поклонение Высоцкому, случается, принимает самые причудливые формы. Как вы относитесь к таким вещам?

Да вокруг любого известного человека такое имеется. Среди поклонников Высоцкого было немало бешеных людей. Они его доставали, конечно. Помню, он очень смешно рассказывал про женщину с птицефабрики и ее дочку. Они ему как-то принесли сумки с яйцами и курицами. Возьмите, говорят, покушайте. Он сказал: «Бога ради, не надо... пожалуйста» — и убежал от них. А они оставили сумки в театре у вахтера. Он все равно эти сумки не взял, а эти женщины потом бежали за ним и кричали: «Владимир Семенович, а за вами должок!» Какие-то другие поклонники царапали ему машину гвоздем, писали послания там... А вообще в понятии «поклонник Высоцкого» ничего плохого нет. Я и сам поклонник Высоцкого. Когда меня начинают на кладбище хватать за грудки и просить автограф, я отношусь к этому спокойно, потому что понимаю, что это все не ко мне относится.

В глаз дать никогда не хотелось?

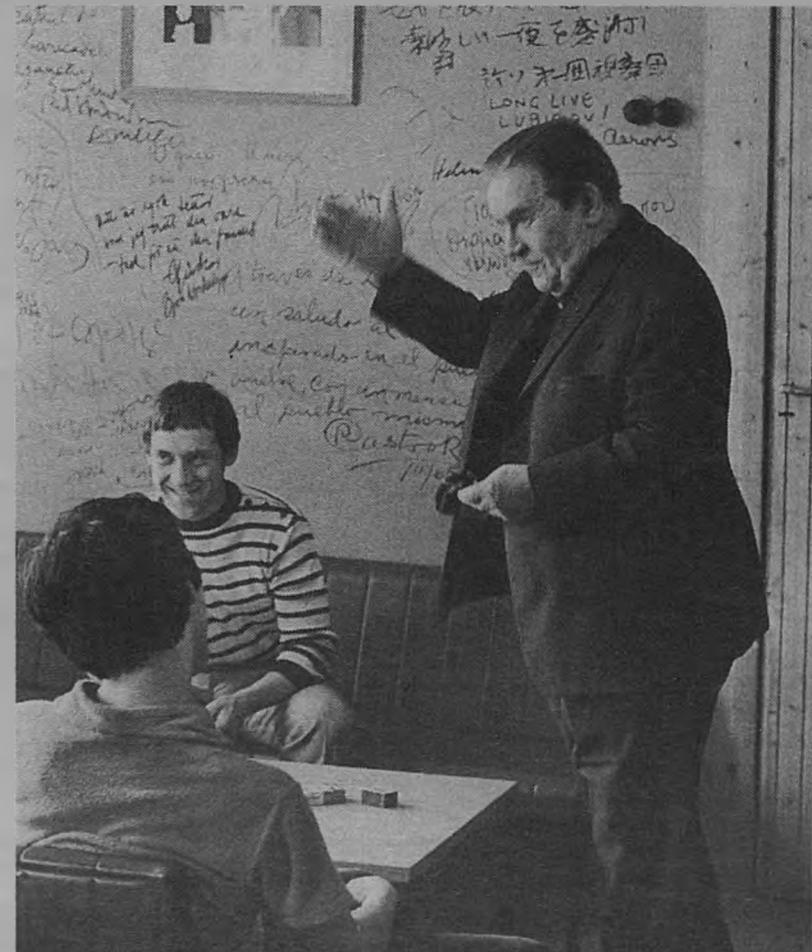
По-разному. Иногда, может, и хотелось. Когда кто-то обижает меня или мою жену, я могу дать в глаз, и такое не раз случалось. Когда дело касается отца, то я понимаю, что к этому надо относиться философски. Вот камень упал в воду, и пошли вокруг круги. Воевать с этим глупо. Хотя по молодости случалось всякое... Была история, когда в начале 1980-х моей бабушке стали угрожать на кладбище. Это были фаны, которые продавали фотографии Высоцкого, диски... Моя бабушка сделала им замечание, вызвала милиционера, а они стали ей угрожать. И я отправился туда с компанией веселых молодцов, и мы там учили облаву. Те, кто поможе, сразу разбежались, а тех, кто постале, мы догнали. Какая-то пьяная женщина стала кричать: «Не бейте, это мой муж». Ребята держат его и кричат мне: «Дай ему за батю, дай ему!» А он такой несчастный стоит, с фотографиями. Я говорю: «Ребята, да вы сдурили, мы же на кладбище...» Лет 18 мне было. Сейчас я практически никогда 25 числа не хожу на кладбище, потому что знаю: наедут, попросят сфотографироваться с чьим-то сыном, скажут: «Спой, Никита». Вроде пришел на кладбище к отцу своему, а вокруг поют, танцуют, пьют... И неприятно, и хочется их выгнать всех, но, с другой стороны, что же тут поделаешь? Пускай себе поют.

Что вы будете делать 25 июня на этот раз?

25 числа в Новосибирске откроется памятник Высоцкому, и я туда поеду. Никогда нигде не уезжал в эти дни, но сейчас поеду, потому что это народный памятник. А перед этим я поеду в Краснодар, где открывается музей Высоцкого.

Вам все памятники Высоцкому нравятся?

Те, что видел, — нравятся. В Барнауле есть, например, памятник, непрофессиональным скульптором сделанный. Я стоял-стоял там, а кто-то мне рядом говорит: «Ну, правда ведь, не очень?» А мне все равно нравится. Потому что от души сделано. Плохо, когда делается без любви.

Владимир Высоцкий и Леонид Утесов в Театре на Таганке. 1972 год. Фотограф Виктор Великанин